

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. МОЯ ЖИЗНЬ

Никита Сергеевич Хрущев	9
Ванга	21
Шестое объединение «Мосфильма»	63

Часть вторая. У НАС. Воспоминания

Время Любимова и Высоцкий	115
Аркадий Райкин (травма сквозь асфальт)	141
Рустам Хамдамов (страсти по Рустаму)	150
Василий Аксенов (классик и плейбой)	183
Михаил Жванецкий (снайпер)	196

Часть третья. У НИХ. Мемуары

Марк Шагал	207
Хулио Кортасар	211
Натали Саррот	215
Ольга	230
Диана	247
Татьяна и Франсин (мать и дочь)	262
Нэнси	301

Часть первая

МОЯ
ЖИЗНЬ

Никита Сергеевич Хрущев

Эпизод, произошедший на встрече Н. С. Хрущева с интеллигенцией 8 марта 1963 года, растиражирован. Как только чуть-чуть приоткрыли архивы КГБ, одному из участников записи скандала удалось получить стенограмму, которую он нам и подарил. Вслед за этим другой корреспондент принес видеозапись происшедшего, так появился воспроизведенный текст и документальное кино исторического для интеллигенции события. Эти эпизоды вошли во все фильмы о Вознесенском, в том числе в юбилейный фильм к семидесятилетнему и семидесятипятилетнему юбилеям. Однако гроза разразилась не сразу. Уже случился разгром судьями Белютина, альманаха «Тарусские страницы», публичное издевательство над поэтессой Маргаритой Алигер и диалог уже разъяренного Никиты Сергеевича после увиденного на выставке Эрнста Неизвестного со скульптором.

Фраза, выкрикнутая Хрущевым во время работы Вознесенского: «Вы думали, у вас оттепель? Оттепель кончилась, наступают заморозки» — стала ключевой для этого времени, как судьбоносными для этих художников стали фразы: «Ишь, что придумали, какую-то свою партию, а я вот горжусь тем, что я член коммунистической партии» и заключительная: «Вон, господин Вознесенский, из Советского Союза, паспорт вам выпишет Шелепин*». Не будь крика и угроз Хрущева, быть может, не уехали бы из страны художники-неформалы: Эрнст Неизвестный, Олег Целков, Лев Збарский, Оскар Рабин, Эдуард Штейнберг, не легли бы на полку десятки готовых фильмов, не был бы остановлен поток отечественной самиздатовской литературы здесь и на «других берегах». Никто не ожидал, когда поэт медленно сходил с трибуны, неуверенно пересекая сцену, что Никита Сергеевич, быть может, что-то инстинктивно поняв, вдруг протянет поэту руку со словами: «Ну ладно, идите, работайте». Толкователи истории, сильно продвинутые в тогдашней политике, поняли это так: «Вознесенского не посадят, но неизвестно, как сложится отношение к нему дальше». Эта неуверенность спасла Вознесенского. Не прозвучало сверху сигнала гнать и топтать, власть выжидала, а через неделю стало известно, что был дан сигнал в Союз писателей исключить «бунтарей». В назначенный день Андрей уже улетел в Ригу.

Центральным моментом истории стал неистовый гнев генсека ЦК после начала выступления Андрея Вознесенского. Быть может, впервые глава страны при-

---

* Александр Шелепин (1918–1994) — советский партийный и государственный деятель. С 1962 по 1965 год возглавлял Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете министров СССР, одновременно являясь заместителем председателя Совета Министров СССР.

людно кричал на 29-летнего поэта, не дав ему продолжить. Этот эпизод оставил не только кровавые следы на состоянии здоровья Андрея, но и множество строк в его поэзии. Пережитое отозвалось в поэме «Оза»:

Когда беды меня окуривали,
Я, как в воду, нырял под Ригу,
сквозь соломинку белокурую
ты дыханье мне дарила»;
«Будь ты проклята, громада
программированного зверья,
будь я проклят за то, что я
слыл поэтом твоих распадов»;
«...Через рев их ты шла мне на помощь,
если жив я назло всем слухам,
в том вина твоя и заслуга».

из «Закарпатского дневника»:

«За что ты бьешь, палач бесчестный,
за веру или за Отечество,
за то, что перепил, видать,
и со страной не совладать...»

и многие другие.

Разгром интеллигенции, неистовая поддержка гонений самодержца, обрушившихся на самых талантливых молодых художников страны, произвела в те годы шокирующее впечатление на очевидцев и, конечно же, на всех людей, узнавших об этом.

Я услышала о том, что произошло, из уст Юрия Александровича Завадского, руководителя театра Моссовета, близкого друга Галины Улановой и одного из самых чтимых

мых аристократов ума и поведения в стране. Я поднялась в лифте на пятый этаж Дома актера, который тогда находился на улице Горького, чтобы прочитать какой-то свежий материал об Александре Таирове и Алисе Коонен, и увидела идущего навстречу Завадского. «Зоя, — кинулся он мне навстречу с искаженным ужасом лицом, — что сейчас было, что было!» И он обхватил голову руками, страдальчески опустив веки. «Если б вы видели, как Хрущев кричал на Вознесенского! Это было отвратительно! Как это может быть?!» Я остановилась, как вкопанная, в голове пронеслось сказанное Андреем накануне. Мы уже тесно дружили, никаких иных отношений между нами еще не было, но нас скрепляло безграничное доверие, которое он испытывал ко мне. Позвонил он накануне, 7 марта, посоветоваться, как ему выступить. Он непременно хотел каким-то образом ответить на удар ленинградского поэта Александра Прокофьева, который в своих стихах как-то его оскорбил. Уже предчувствуя отношение властей к группе молодых, официальные чиновники из писателей время от времени пытались уничтожить их первые публикации. Так, у Николая Грибачева были известные стихи «Нет, мальчики!», на которые впоследствии Роберт Рождественский ответил стихотворением «Да, мальчики!» Это шла борьба поколений, эстетических позиций, режимного цензурирования литературы и жажды свободы.

Я спросила у Андрея, что он еще хочет сказать, кроме отпора Прокофьеву. Он ответил, что прочитает стихи: «Я не оратор и не полемист, меня настоятельно просили выступить, и я выступлю в роли поэта». Андрей нервничал, это ощущалось даже по телефону, но, в общем, было и некоторое предчувствие легкого скандала, его всегдашние потребности выйти за очерченные границы дозволенного.

– Что он кричал? – спросила я Завадского. Он зама- хал на меня руками.

– Не спрашивайте, не спрашивайте! Это невозмож- но повторить, невозможно поверить в это. Он (Хру- щев – З. Б.) пытался уничтожить его (Вознесенского – З. Б.) и грозил изгнанием из страны.

Весь тот день я только и слышала о скандале, раз- разившемся в Кремле. После целого ряда выступав- ших предоставили слово Вознесенскому. Что произо- шло, запечатлено в сотнях телесюжетов, подробнее описано в воспоминаниях современников и в протоко- лах политической жизни Кремля. Однако в 2003 году нам подарили рассекреченную пленку из архивов КГБ, ее извлек крупный фотограф, принимавший участие в качестве корреспондента на этих встречах. То, что мы увидели на экране, казалось невероятным даже сегодня. Наш близкий знакомый, увидев эпизод доку- ментальной съемки, включенный в фильм о Вознесен- ском, был потрясен: «Мы думали, ну что-то там было, ну покричал бесноватый, подумаешь, это только рекла- ма! Они же после этого ездили по заграницам, выпуска- ли книги, какие там гонения?! А теперь оказалось, что попытка уничтожения – это как танк, который чудом не раздавил их. Конечно повезло, что то время уже не могло вернуться...хотя кто знает?»

Андрей вышел на трибуну, взял в руки стакан воды, дежурно стоявший рядом, и произнес первую фразу: «Я, как и мой любимый учитель Маяковский, беспартий- ный...» Истошный крик, раздавшийся сзади, прервал его выступление. Позади поэта, тесно сомкнувшись вокруг генсека, сидело все политбюро: Шелепин, Козлов, Семи- частный, Молотов и т.д. Ошеломленный поэт, не оборо- ачиваясь, пытался что-то ответить, быть может, просто продолжить, но крик стоял непрерывный. «Вон, Возне-

сенский, вон из страны. Вы думаете... А я горжусь, что я член партии. Вы хотите какую-нибудь другую партию...» И тут он сказал ту ключевую фразу «кончилась оттепель, заморозки начались», которая остановила культурную жизнь в стране на несколько месяцев. Эти заморозки повлияли на все сферы жизни художественной интеллигенции.

На киноплёнке видно – не оборачиваясь, поэт роняет стакан с водой, все еще пытаюсь возразить. Меня всегда поражало, что, в отличие от многих людей, подвергавшихся публичной порке, у Андрея не нашлось слов: «Я не так выразился», «Извините, не подумал», «Я не то хотел сказать». Его фанатическая вера в собственное слово, его убежденность, что стихи могут все – заставили его здесь твердить только одно: «Дайте мне договорить». Ему казалось, если его выслушают до конца, все полностью изменится. Однако с каждым новым его словом ярость за его спиной все усиливалась. Фраза Хрущева «Вон из Советского Союза...» стала решающим ударом по психике Андрея. Он ничем не выдал происходящего внутри него и поднял голову только тогда, когда услышал: «Ну ладно, работайте» и протянул руку.

Он шел по брусчатке Кремля поздним вечером, в ушах звенели слова правителя, воздетые против него кулаки, непрекращающийся ор зала, вторившего главному начальнику, и казалось, что жизнь кончена. В темноте от удаляющейся горстки людей отделился всего один человек. Он подошел к Андрею, полуобняв его, сказал: «Не горюй, все обойдется, пойдем лучше ко мне, выпьем». Это был Владимир Солоухин, автор выдающихся «Владимирских поселков», собиратель икон и в душе монархист, он привел Андрея к себе, напоил, показал свою коллекцию.

Много времени спустя, когда мы уже были вместе, Андрей, навещая меня в Доме творчества, рассказал эпизод из того времени: в одном из коттеджей Дома творчества жила писательница Галина Серебрякова*. Мы все знали, что она тяжело пострадала во время Сталинских репрессий, говорили, что ее избивали, домогались, и что случайностью и счастьем было то, что она уцелела, вышла из заключения. Она была женой крупного советского чиновника, писала рассказы и повести. Однажды, она подошла в столовой к Андрею и пригласила зайти в коттедж, посидеть и поговорить. Когда он пришел, она внезапно скинула халат и показала ему ровный шрам на своем теле, который был на месте груди. Андрей, мало приспособленный к подобного рода зрелищам, отшатнулся, испугавшись, а Серебрякова начала уверять его, что столь откровенного жеста он заслужил своим исключительным талантом. Писательница говорила, что она поклоняется его стихам, готова читать их без конца и просит подарить ей первую же книгу, которая у него выйдет. С умилением, прослезившись, она попрощалась с ним в тот день. На Кремлевской встрече сквозь пелену, застлавшую глаза во время воплей Хрущева, Андрей различил в первом ряду Галину Серебрякову, которая с перекошенным лицом, воздев руки, кричала: «Вон, вон, вон!» И такое бывало.

Юрий Александрович Завадский, рассказывая мне о сцене в Кремле, не подозревал, как близко меня это касается. Едва закончив разговор, я кинулась к телефону, пытаясь разыскать Андрея. Безуспешно. Его мать, Антонина Сергеевна, исключительно хорошо ко мне относившаяся до нашей женитьбы (после сообщения

---

* Галина Серебрякова (1905–1980) – русская и советская писательница и журналистка, автор романов о Марксе и Энгельсе.